

The background is a complex, surrealist painting. It features a woman on the left with a large, fanned-out peacock tail in shades of blue, black, and gold. In the center, a man and a woman are depicted in a circular, cracked frame, appearing to be in an intimate embrace. The background is a collage of various elements, including anatomical details like a foot and a leg, and other figures in a dark, textured environment. The overall color palette is dominated by earthy tones like brown, red, and blue.

Эротика — новелла
с причудливым
сюжетом...

Эротиккурс

Юлия Щербинина

Юлия Щербинина

Эротикурс

ИД «Флюид ФриФлай»

2016

УДК 7.03
ББК 85(2Рос=Рус)6

Щербинина Ю. В.

Эротикурс / Ю. В. Щербинина — ИД «Флюид ФриФлай»,
2016

ISBN 978-5-9906627-3-5

Эротикурс – эротический дискурс в литературе и литературный курс эротики. Интимные переживания и чувственный опыт в русской словесности конца XIX – начала XX века и живописи разных эпох. Осознание собственного и познание чужого тела, искусство соблазнения и флирт, эротические фантазии и сны, особенности женской и мужской сексуальности, отношение к проституции и порнографии, однополые и полигамные отношения и... многое другое глазами писателей и художников. В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

УДК 7.03
ББК 85(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9906627-3-5

© Щербинина Ю. В., 2016
© ИД «Флюид ФриФлай», 2016

Содержание

Введение в Эротикурс	6
Вечное светило	6
Когда роман становится романом	7
Что такое Эротикурс?	10
Эротикурс	12
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ю. В. Щербинина

Эротикурс

© Юлия Щербинина, 2016

© ООО «ИД «Флюид ФриФлай», 2016

Введение в Эротикурс

Вечное светило

Когда-то это происходит со всеми. Ну, или почти со всеми. Начинаешь замечать, что твоё тело отличается от других. Нос, рот, пупок, узор на ладонях, форма пальцев на ногах... Сначала понимаешь, что люди бывают женщинами и бывают мужчинами. Затем выделяешь среди них одного мужчину, одну женщину, которые особенно нравятся. Не родные, а нравятся – почему? Ведь странно.

Дальше одни разонравились, появились другие, ещё более притягательные. С каждым разом всё интереснее, сильнее и больнее. Потом... А потом у всех по-разному. У кого огонь и ветер, у кого калейдоскоп и фейерверк, у иных нетающие снега и вечный камнепад, у некоторых изобильные нивы и сады с запретными плодами. А часто просто комната с белым потолком.

Отношения плоти – они уже вдоль и поперёк исследованы учёными, помыслены философами, воспеты поэтами, исхожены нами, простыми смертными. Знаки эроса изящно закодированы в греческой мифологии и зашифрованы в средневековой символике греха. Они кокетливо выглядывают из складок рембрандтовских портьер и зверино скалятся из арцыбашевских строк. Новым поколениям достаются лишь прописные истины, строгие теории, готовые художественные формы.

При этом эротика всегда окутана тайнами и овевана мифами. Она же постоянная тема досужих разговоров, объект шуток и сюжет анекдотов. Эрос в культуре как солнце в полярный день, никогда не заходящее за горизонт. Застывшее в зените светило, вокруг которого меняются лишь контуры облаков.

Сияющее солнце эроса отбрасывает на землю множество лучей. Нам ведом эрос «первозданный», лишённый борьбы человека с собственной природой, – как форма сопротивления смерти. Нам ведом эрос «головной», свободный от цели продолжения рода, – как способ забвения экзистенциальных ужасов. Нам ведом эрос «игровой», исполненный изощрённости и фантазии, – как инструмент создания иллюзии счастья.

Возможно, самое главное в эросе не сладострастие, а то самое «острое чувство обнажённости», что делает человека настоящим, подлинно подлинным и что подробно описано Михаилом Арцыбашевым в «Романе маленькой женщины». Современники не простили писателю этой правды – судили по обвинению в порнографии. За то, что замахнулся на запретное, дерзнул вывести величие человека из его же ничтожности и незащитности перед полом.

Возможно, самое интересное в эросе бесконечное и неизменно удивляющее многообразие его воплощений. Образов, творимых самой природой и искусственно создаваемых людьми. Внешнее многообразие при постоянстве основы, неизменности сути, незыблемости главного смысла, что постоянно ускользает от нас. Смысла, который мы тщимся ухватить в производстве внешних форм. Наши отношения с эросом обречённость Земли на вращение вокруг Солнца. Планетарный фатализм.

Возможно, самое страшное в эросе необратимость. Отношение к человеку, плоть которого мы познали, меняется бесповоротно и навсегда. С ним можно расстаться или перейти в дружбу, его можно возненавидеть или вовсе забыть, но отношение после всегда иное, чем до. А ещё эрос страшен постоянным напоминанием о нашей смертности, конечности, пределе существования. О том, что мы не навсегда.

Когда роман становится романом

«Вы, мудрецы, вы, мужи высокой и глубокой учёности, всеведущие и всепроникающие, скажите, как это, где это, когда это все устремляются в пары и почему везде любовь и поцелуи?» – вопрошает Философ. Этот вопрос вполне логично адресовать и писателям.

Литература «овнешняет» делает зримым, отображает в словах, воплощает в сюжетах – наши сокровенные мысли, интимные переживания, тайные желания. Художественная литература обитает в пространстве между профанным и сакральным. Балансирует на грани обыденного, опрокинутого в повседневность со всеми её мелкими частностями и ничтожными деталями, – и бытийного, устремлённого к духовным вершинам, в зенит Культуры.

Спиноза назвал любовь «щекотанием, сопровождаемым идеей внешней причины». Литература собственно и занимается описанием «внешних причин», толкающих человека на поиски чувственных удовольствий или на отчаянную борьбу с плотью, делающих его аскетом или сластолюбцем, побуждающих смирять свою похоть или предаваться изощрённым половым утехам. Литература создаёт многофигурные и порой необычные композиции из участников Великой сексуальной игры.

Для литературы нет «стыдных» тем. Есть лишь талантливые и бездарные тексты, умение или неумение писателя передать чувственность словами. При этом одарённый автор тонко ощущает, хотя и не всегда может объяснить, когда роман как любовные отношения способен и (главное) достоин стать романом как художественным произведением.

Эротика – пьеса со множеством декораций и действующих лиц, новелла с лихо закрученным и причудливо ветвящимся сюжетом, стихотворение с завораживающим ритмом и замысловатой образностью. И, наоборот, литература – почти та же эротика, чувственная любовь между читателем и текстом.

Литература отображает все стадии и вариации полового чувства: мимолётное увлечение и бурную страсть, лёгкий флирт и глубокую сердечную привязанность, сладость обладания и муки ревности, любовный экстаз и горечь расставания. И самое сильное, самое желанное, самое страшное: постепенное прорастание и возрастание людей друг в друге.

У литературы есть свой язык для изображения чувственности. Именно этим языком человек изначально пользовался для «культурного» и «приличного» описания всего, что касалось эротической сферы – от любовных волнений до самого полового акта.

Примечательно, что, описывая злосчастную, трагическую любовь, говорят о разбитом сердце, сломанной судьбе. Словно они сделаны из хрупких, непрочных материалов, будто изначально задуманы Создателем (Природой) как внедряющие зову эроса и послушные его «правке». Сейчас эти фразы воспринимаются как наивные, избито-высокопарные, но их происхождение уводит в глубины человеческой психики, обнажая трагическую природу сексуальности.

Ещё одна сквозная метафора эротического лексикона – образ пут, уз, тенёт – знак власти Эроса над Человеком и, одновременно, знак протеста против неё. Множество литературных сочинений исполнены мотивов угнетённости полом, сопротивления плоти, ужаса порабошающей телесности. В сущности, вся литература – форма сопротивления эросу, попытка «схватывания» его в слове.

Многие слова и выражения, внешние детали и визуальные образы любовного канона в XIX столетии и даже ещё в начале XX воспринимались как возвышенные и «правильные». В XXI веке они воспринимаются уже как пошлые, банальные, вульгарно-вторичные. Крылатые существа вроде голубков и амуров испуганно разлетелись, едва на пороге истории замаячил насмешливо-глумливый признак Постмодерна.

Ещё немного сохраняя свои первозданные смыслы в рекламных роликах и на товарных упаковках, эти образы утратили свою символическую силу. Стали стёртыми метафорами, исчезающими тенями светила Эроса. Живая образность облупилась с них, как позолота и перламутр – с чашечек культового в советскую эпоху гдээровского сервиза «Мадонна», изображавших любовные и пасторальные сцены.

Писателям прошлого было гораздо проще подбирать слова для описания чувственной сферы, чем современным авторам, которым всё кажется уже затасканным и невыразительным. Новейшая литература демонстрирует нищету эротического словаря. В прозе рубежа XIX–XX столетий уже исчезают вычурность и куртуазность слога, присущие «галантному веку» литературы, но ещё присутствуют сколь выспренное, столь же и волнующе-трогательные, утраченные современностью речевые обороты.

«Загорится душа отдать себя другому», «дух любви пламенный», (М. Кузмин); «безгрешная алость», «розы тела» (Ф. Сологуб); «ледяная вершина мировой прелести» (Г. Иванов); «чувственно прельщала» (М. Агеев). И «какое ужасное слово жила», замечает, «содрогнувшись плечами», героиня рассказа Пантелеймона Романова с незамысловатым названием «Любовь». Да, в былые времена страшились подобных слов, но не стеснялись таких названий, не считали их тривиальными.

Наконец, легко заметить, что слова эротического лексикона не только метафоричны, но и ярки, красочны. В сообществе животных аналогами таких слов являются броская окраска, распушившийся хвост и прочие элементы внешней привлекательности, призывающие к соитию. Впрочем, у людей тоже имеется масса несловесных способов эротического самовыражения и, напротив, сокрытия сексуальности: одежда и обувь, позы и жесты, причёска и макияж. Там, где раньше светские дамы пускали в ход мушки и веера, нынешние девушки используют татуировки и пирсинг.

По части невербального изображения чувственности специализируются художники. Писатель рассказывает – художник показывает. Привилегия обоих в том, что они воображают реальные, когда-либо виденные либо даже наблюдаемые вживую изгибы и движения тел; они слышат слова, слетающие с губ позирующих моделей и прототипов литературных персонажей. А нам доступны лишь чтение и созерцание вторичные, воспроизводящие процедуры.

Однако мы счастливы и этим. Мы можем оживлять тексты и картины их чтением и созерцанием. Вот призывно смотрит на нас девушка, расчёсывая длинные волосы на картине Браунинга. Вот, стыдливо отводя взгляд, демонстрирует мужчине хрупкую ладонь и обнажённые пальцы ног скромница Годварда. Вот, нарочито отставив пяточку и мизинчик, со снисходительной полуулыбкой бросает поклоннику цветок с балкона юная девица Лейтона. Вот нежно раскрывает руки и глядит ввысь, словно готовится взлететь, «Невинность, увлекаемая Любовью» Грёза. И нас вдохновляет, что мы тоже можем когда-нибудь взлететь и уж точно бросить либо поймать цветок. Как повезёт. Мы любимся застывшими в томных позах прелестницами Альма-Тадемы, источающими сладострастие даже при чтении свитков-книг. Удивляемся тому, как бесконечно женственны в порыве ревности героини Герена и Мунка. Нас завораживает медитативная поступь продажных женщин Тулуз-Лотрека, не теряющих грации даже на позорном медосмотре.

Особенно нас манят неопределённость и недосказанность. Полустыдливо-полуразвратно прикрывают чресла воин Фрагонара и юноша Сомова. То ли вправду спят, то ли игриво притворяются нимфа Пуссена и Ролла у Жерве. Уклоняясь от атакующего Амура, юный любовник на полотне Бордоне не то придерживает, не то отодвигает складки платья возлюбленной; она же своей рукой вроде мягко отводит его руку, а вроде и незаметно продвигает к девственному лону.

Наконец, нас интригуют многоплановость и многослойность. Ладони «Влюблённых» Хоторна говорят красноречивее губ. Причудлив и сложен параллельный диалог рук на картине Милле «Да!». Запоминает жестикация участников «Разговора» Ренуара. А «Насилие» Дега – целая история отношений, заключённая в живописную раму.

Некоторые полотна загадывают загадки или требуют расшифровки. Например, несведущему зрителю непонятно, чем занят живописец и что вообще происходит на картине Сюбейра «Навьюченное седло». Необходимо пристально взглянуть в знаменитый «Грех» фон Штюка, чтобы увидеть там не только насмешливый лик Евы, но и нечто ещё... Сами искусствоведы до сих пор расходятся во мнениях по поводу названия картины Ватто «Грубая ошибка» или «Удача».

Литература и живопись неутомимые поставщики сюжетов и образов, как предельно откровенных, так и прячущих эрос внутри строк, за слоем красок. Франты и кокетки, ловеласы и альфонсы, развратники и ревнивцы, эротоманы и порнографы, томные девицы и похотливые юнцы, коварные соблазнитель и блюстители нравов... Вообще люди каковы они есть: целомудренные, бесстыжие, слабые, сильные, неопытные, искушённые – обо всех написано и кистью, и пером.

Живопись в чём-то опережает литературу, а где-то тянется у неё в хвосте. Подвижное пластичное слово проникает в самые тёмные глубины эроса. Застывшее статичное изображение схватывает эрос в его самых выразительных позах и деталях. Слово и изображение движутся навстречу друг другу. Место их встречи – книга, где органично соединяются речь и зрелище. И само чтение есть не что иное, как форма чувственного созерцания.

Но всё же самая пьянящая прелесть эротики – в невозможности целиком заключить её ни в словесную оправу, ни в живописную раму. Как невозможно удержать солнечную тень. Вечное светило Эроса нельзя закатать в банку искусства – можно только любоваться его бесчисленными художественными отражениями.

Что такое Эротикурс?

Название книги может быть расшифровано как литературный курс эротики или как эротический дискурс в литературе. Кому что больше нравится, кому что более понятно. Интимные переживания и эротический опыт, отражённые в русской литературе конца XIX – начала XX века и проиллюстрированные разными художниками того же и более раннего периодов.

Форма книги необычна: цикл фрагментов из художественных произведений, выстроенных в определённой последовательности и соединённых внутренними взаимосвязями – идейными, образными, ассоциативными, цитатными. Так «кусочки» разных текстов «сцепляются» между собой, «вырастают» друг из друга, взаимоперекликаются – и прочитываются как единый текст. Основные темы и проблемы:

- осознание собственного и познание чужого тела,
- первый и последующий сексуальные опыты,
- эротические фантазии и сны,
- особенности женского и мужского эротизма,
- флирт и искусство соблазнения,
- муки ревности и разлуки,
- секс в отношении к любви, браку,
- демонизация и вульгаризация интимной сферы,
- однополые и полигамные отношения,
- отношение к проституции и порнографии.

Что есть плотская любовь для частного, конкретного человека в разные периоды его жизни? Как зарождается, растёт, крепнет и почему остывает, тускнеет, исчезает сексуальное чувство? О чём рассказывают эротические грёзы? На какие вершины поднимает и в какие бездны ввергает эрос? Чем мучается и от чего страдает человек в интимной жизни? Где границы дозволенного и запрещённого в отношениях между полами?

Об этом и многом другом рассуждают как известные писатели (Л. Толстой, В. Брюсов, Е. Замятин), так и чаще незаслуженно полузабытые авторы (А. Мар, Е. Нагродская, П. Романов, С. Рафалович, В. Муйжель), знакомые преимущественно узкому кругу специалистов-филологов. Попутная задача книги – ввести цитируемые тексты в широкий читательский оборот. «Эротикурс», разумеется, не открывает заново, но наглядно демонстрирует фатальную двоичность и парадоксальную двойственность пола. На одном полюсе культ человеческого тела, поклонение физической красоте, чувственная привязанность, возвышенное слияние мужского и женского, наконец деторождение. На другом полюсе – насилие, распутство, перверсии, проституция, порнография. Между этими полюсами – всепоглощающая страсть, пир плоти, вожделение-обладание. На стыке литературы с живописью эта полярность проступает особенно явно.

Текстовые фрагменты сочетаются с репродукциями картин, иногда просто иллюстрирующими их содержание, а иногда и раскрывающими дополнительные, порой вовсе неожиданные, смыслы. Некоторые картины подобраны по принципу иронии, смыслового перевёртыша или столкновения разных эпох – моделируя пространство для собственного воображения читателя-зрителя, предлагая самостоятельно разгадывать ребусы.

В подборе репродукций намеренно не выдерживается единство стиля. Тут избыточность рококо Фрагонара и салонная псевдоантичность Альма-Тадемы, сложный символизм Босха и сахарная приторность Зацки, золотая мозаичность Климта и галантная претенциозность Сомова, хаос линий Шиле и филигранность почерка Бёрдсли... Цель показать самые разные возможности живописи (и чуть-чуть графики) в изображении чувственной сферы.

Таким образом, «Эротикурс» не художественный альбом и не механическая компиляция текстов. Это МЕТАКНИГА о Чувственности, «написанная» 25 писателями и 75 художниками. Для её чтения вовсе не требуется каких-то особых знаний и специальной подготовки. Это увлекательная интеллектуальная игрушка и просто красивая вещица для эстетического удовольствия. Хотя, возможно, кто-то и услышит в ней новый зов или примет её как ещё один вызов Эроса.

Юли Щербинина

Эротикурс

*...Вся почти новая литература пишет о том, как демоничен пол,
как не может с ним справиться современный человек.*

Н. А. Бердяев «Эрос и личность (Философия любви и пола)»

М. Слефогт «Мужчина и женщина»

И. Босх «Любовная пара»

...Как чудно, что вот – чужой человек, совсем чужой, и ноги у него другие, и кожа, и глаза, – и весь он твой, весь, весь, всего ты его можешь смотреть, целовать, трогать; и каждое пятнышко на его теле, где бы оно ни было, и золотистые волосики, что растут по рукам, и каждую бороздинку, впадинку кожи, через меру любившей.

И всё-то ты знаешь, как он ходит, ест, спит, как разбегаются морщинки по его лицу при улыбке, как он думает, как пахнет его тело. И тогда ты станешь как сам не свой, а будто ты и

он – одно и то же: плотью, кожей прилепишься, и при любви нет на земле большего счастья, а без любви непереносно, непереносно!..

И легче любя не иметь, чем иметь, не любя. Брак, брак; не то тайна, что поп благословит, да дети пойдут: кошка, вон, и по четыре раза в год таскает, а что загорится душа отдать себя другому и взять его совсем, хоть на неделю, хоть на день, и если у обоих душа пылает, то и значит, что Бог соединил их. Грех с сердцем холодным или по расчёту любовь творить, а кого коснётся перст огненный, – что тот ни делай, чист останется перед Господом. Что бы ни делал, кого дух любви пламенный коснётся, всё простится ему, потому что не свой уж он, в духе, в восторге...

(Михаил Кузмин «Крылья»)

В это лето началось ещё новое, что сначала очень удивило и заняло нас. Мы поняли как-то вместе, что в этой устроенной, ясной, чистой жизни, где мы гуляли как бы по лужочку на верёвочке, что в ней есть что-то от нас скрываемое и что это скрываемое было не только что вне нас, но и в нас самих. Я думаю, что и Володя так понял, не только я. Потому что в нём проснулось большое и жгучее любопытство.

Я же, поняв, приняла понятое как ещё игру, новую, заманчивую и недобрую, и душою игры была загадка, и загадка была я сама, и власть была моя приоткрывать и снова занавешивать мучительную, острожгучую тайну. В этой новой игре злая власть казалась моею. И когда мы вдруг оба погрузились в свою жизнь понявших и потому вечно дальше идущих – то всё стало мне совсем иным, чем было раньше. Уже новая игра превратилась в муку, но в ту муку мы оба втягивались не нашею силой.

Большое презрение к большим, лгавшим мне людям отравило мне тогда сердце, и отошла последняя близость, и, казалось, потухла любовь.

Володя из товарища превратился в тайного сообщника. Мы должны были, зная свою тайну, скрывать её. Это страшно сближало, и мы ненавидели друг друга за то страшное и уже непоправимое сближение. Это было как одно лицо, никому не видимое, только нам одним. Оно глядело – и мы не могли оторвать глаз; и как могли мы отгадать, от добра или от зла оно?

Спутанные, смущённые, отравленные и злые, – мы долго не отрывались от тех глаз своей загадки и вдруг понимали, что в нас те глаза и мы та загадка. Тогда мы искали в себе разрешение и, жалкие, ненавидели: Володя с жадным бессилием, я со злым торжеством.

(Лидия Зиновьева-Аннибал «Чёрт»)

Ч. В. Коун «Шун»

П. Факкетти «Адам и Ева получают запретный плод»

Острое чувство обнажённости также появилось во всём теле, но оно было свежо и чисто. Напоминало то чувство, когда летом, где-нибудь на берегу реки, она раздевалась, чтобы купаться. Голая и стройная, стояла она на зелёной траве, нежащей босые ноги, над прозрачной водой, пронизанной солнцем до самого песчаного дна.

Ощущение своего голого тела, по которому, нежно грея, двигались пятна солнечного света и мягкий обволакивающий ветерок, было приятно и волновало, как запретное наслаждение.

Она стояла голая только потому, что никто её не видел, но всё время чудилось, что со всех сторон жадно смотрят тысячи глаз. И в этом неуловимом сплетении чистого целомудрия и неосознанной потребности стыда было что-то волнующее и манящее. И теперь ей показалось, как тогда, что всё её тело, от круглых плеч до розовых пальцев на ногах, напрягается упругим и свежим напряжением, как после купанья в студёной прозрачной воде.

Было стыдно, но хорошим, кружащим голову, как вино, стыдом. Даже захотелось ещё большего стыда. Но всё-таки она подумала, что это совершенно невозможно.

(Михаил Арцыбашев «Роман маленькой женичины»)

А. Цорн «Отражение»

Она замкнула дверь на ключ, зажгла перед зеркалом свечи и медленно обнажила своё прекрасное тело.

Вся белая и спокойная стояла она перед зеркалом и смотрела на своё отражение. Отсветы от ламп и от свеч пробежали по её коже и радовали Елену. Нежная, как едва раскрывшаяся лилия с мягкими, ещё приматыми листочками, стояла она. И безгрешная алость разливалась по её девственному телу. Казалось, что сладкий и горький миндальный запах, веющий в воздухе, исходит от её нагого тела.

Сладостное волнение томило её, и ни одна нечистая мысль не возмущала её девственного воображения. И нежные грезилась ей, и безгрешные поцелуи, тихие, как прикосновение полуденного ветра. И радостные, как мечты о блаженстве.

Радостна была для Елены обнажённая красота её нежного тела, – Елена смеялась, и тихий смех её звучал в торжественной тишине её невозмутимого покоя.

Елена легла грудью на ковёр и вдыхала слабый запах резеды. Здесь, внизу, откуда странно было смотреть на нижние части предметов, ей стало ещё веселей и радостней. Как маленькая девочка, смеялась она, перекатываясь по мягкому ковру.

Много дней подряд, каждый вечер, любовалась Елена перед зеркалом своей красотой, – и это не утомляло её. Всё бело в её горнице, – и среди этой белизны мерцали алые и жёлтые тоны её тела, напоминая нежнейшие оттенки перламутра и жемчуга.

Елена поднимала руки над головой и, приподнимаясь, вытягивалась, изгибалась и колебалась на напряжённых ногах. Нежная гибкость её тела веселила её. Ей радостно было смотреть, как упруго напрягались под нежной кожей сильные мускулы прекрасных ног.

Она двигалась по комнате, нагая, и стояла, и лежала, и все её положения, и все медленные движения её были прекрасны. И она радовалась своей красоте. И проводила, обнажённая, долгие часы, – то мечтая и любуясь собой, то прочитывая страницы прекрасных и строгих поэтов...

В чеканной серебряной амфоре белела благоуханная жидкость: Елена соединила в амфоре ароматы и молоко. Елена медленно подняла чашу и наклонила её над своей высокой грудью. Белые, пахучие капли тихо падали на алую, вздрагивающую от их прикосновения, кожу. Запахло сладостно ландышами и яблоками. Благоухания обняли Елену лёгким и нежным облаком.

Елена распустила длинные чёрные волосы и осыпала их красными маками. Потом белая вязь цветов поясом охватила гибкий её стан и ласкала её кожу. И прекрасны были благоуханные эти цветы на обнажённой красоте её благоуханного тела.

Потом она сняла с себя цветы и опять собрала волосы высоким узлом, облекла своё тело тонкой одеждой и застегнула её на левом плече золотой пряжкой. Сама она сделала для себя эту одежду из тонкого полотна, так что никто ещё не видел её.

Р. Браунинг «Перед зеркалом»

Елена легла на низкое ложе, и сладостные мечтания проносились в её голове, – мечтания о безгрешных ласках, о невинных поцелуях, о нестыдливых хороводах на орошённых сладостной росой лугах, под ясными небесами, где сияет кроткое и благодное светило.

Она глядела на свои обнажённые ноги, – волнистые линии голеней и бёдер мягко выбегали из-под складок короткого платья.

Л. Альма-Тадема «Любимый поэт»

Х. Заука «Сладкие грёзы»

Желтоватые и алые нежные тоны на коже рядом с однообразной желтоватой белизной полотна радовали её взоры. Выдающиеся края косточек на коленях и стопах и ямочки рядом с ними – всё осматривала Елена любовно и радостно и осязала руками, – и это доставляло ей новое наслаждение.

(Фёдор Сологуб «Красота»)

Я следил за ней, поглощённый желанием, сдерживать которое с каждой минутой становилось всё труднее. Высоко подняв над головой руки, она потянулась кверху ленивым движением, от которого поднялась рубашка, открыв то место, которое я ждал. Я замер в ожидании, но, как будто угадав моё желание, Елена рассмеялась, и, наклонившись над нишей, стала брызгать воду себе в лицо, вскрикивая от удовольствия. Тело напряглось, округлилось, она как бы предлагала себя для совокупления. Слегка откинувшись, она смотрела с улыбкой, в которой снова показалось знакомое мерцание приближающейся страсти.

Всё моё существо напряглось, как убийца, готовый вонзить нож в тело жертвы. И я вонзил его. Я погрузил клинок в горячую влажную рану на всю глубину с таким неистовством, что Елена затрепетала. Её голова откинулась, руки судорожно вцепились в мраморный столик. Маленькие ступни оторвались от пола и обвились вокруг моих напряжённых ног. Я не знаю, чей стон, мой или её, раздался, приглушённый приливом нового наслаждения. Упоение охватило Елену почти мгновенно. Она безжизненно повисла у меня на руках, её ноги шатались и она наверно упала бы, если бы её не поддерживала опора более страстная и крепкая.

– Подожди... больше не могу. Ради бога, отнеси меня на кровать.

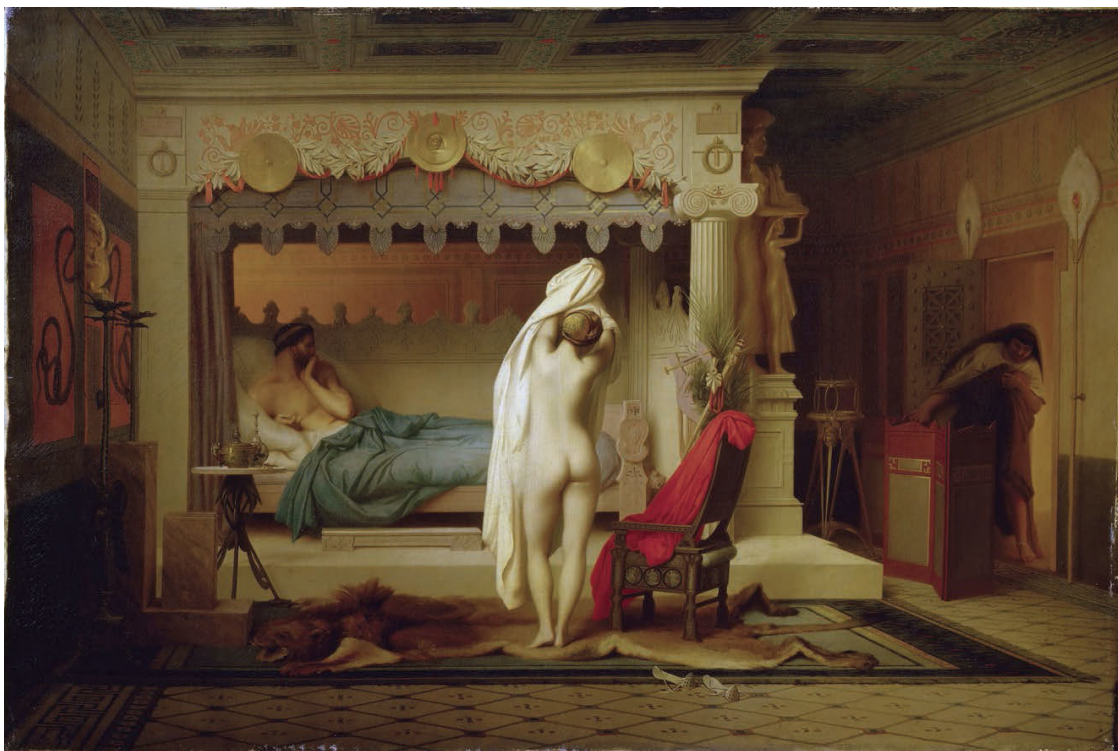

О. Бёрдсли «Лисистрата» (илл.)

Я схватил её на руки и понёс, как добычу. Пружины матраса застонали с жалобой и обидой, когда на них обрушилась тяжесть наших тел. Елена молила о пощаде. Прошло несколько минут, прежде чем она позволила возобновить ласки. Её ножки раздвинулись, руки приобрели прежнюю гибкость, чудесные, словно яблоки, груди подняли твёрдые жемчужины сосков. Она опять хотела меня, держа рукой символ моей страсти. Она передала силу своей благодарной нежности в длительном пожатии, чуть слышном и сердечном. Она любовалась им.

– Подожди, не лезь туда. Дай мне посмотреть на него. Какой красавец! Ты похож на факел, пылающий багряным огнём. Я как будто чувствую, как это пламя зажигает всё внутри меня, – она лепетала, теряя сознание от наслаждения. – Дай мне поцеловать его. Вот так! Мне кажется, что он передаёт этот поцелуй вглубь моего тела.

И вдруг она шаловливо заметалась, восхищённая новой мыслью.

Ж.-Л. Жером «Царь Кандавл»

– Какой ты счастливый, ты можешь ласкать сам себя. Ну, конечно, попробуй нагнуться. Да нет, не так, ещё сильнее. Вот видишь. Неужели тебе никогда не приходилось?.. Я ещё девочкой плакала от того, что не могу себя поцеловать там внизу. У меня была сестра на год старше меня, и мы по утрам садились на кровати и пригибались, стараясь коснуться губами. И когда казалось, что остаётся совсем немного... А потом мы ласкали друг друга...

(Аноним «Возмездие»)

Алина начала лукаво смеяться, вырывая у неё свои руки, откидываясь на подушки. Она была заинтересована, чем всё это кончится, и слегка опьянена новизной положения.

Христина повторяла сдавленным голосом:

– Благодарю тебя, Алина... благодарю...

Она тянулась к ней, сдерживая хриплый, дикий крик, полурыдание, бледнея все более и более, дрожа и повторяя одно и то же:

– Благодарю тебя, Алина, благодарю...

Христина прижималась пылающими губами к её коленям, потом она целовала атласный живот, таинственный треугольник, щиколотку...

– Ты с ума сошла, – воскликнула Алина не двигаясь...

Христина нагнулась ближе, толкая её лечь ничком.

– Ляг... ляг... одну минуту... ты так красива.

Лечь ничком – это было всегда соблазнительно для Алины.

Розовая и смущённая, она боролась.

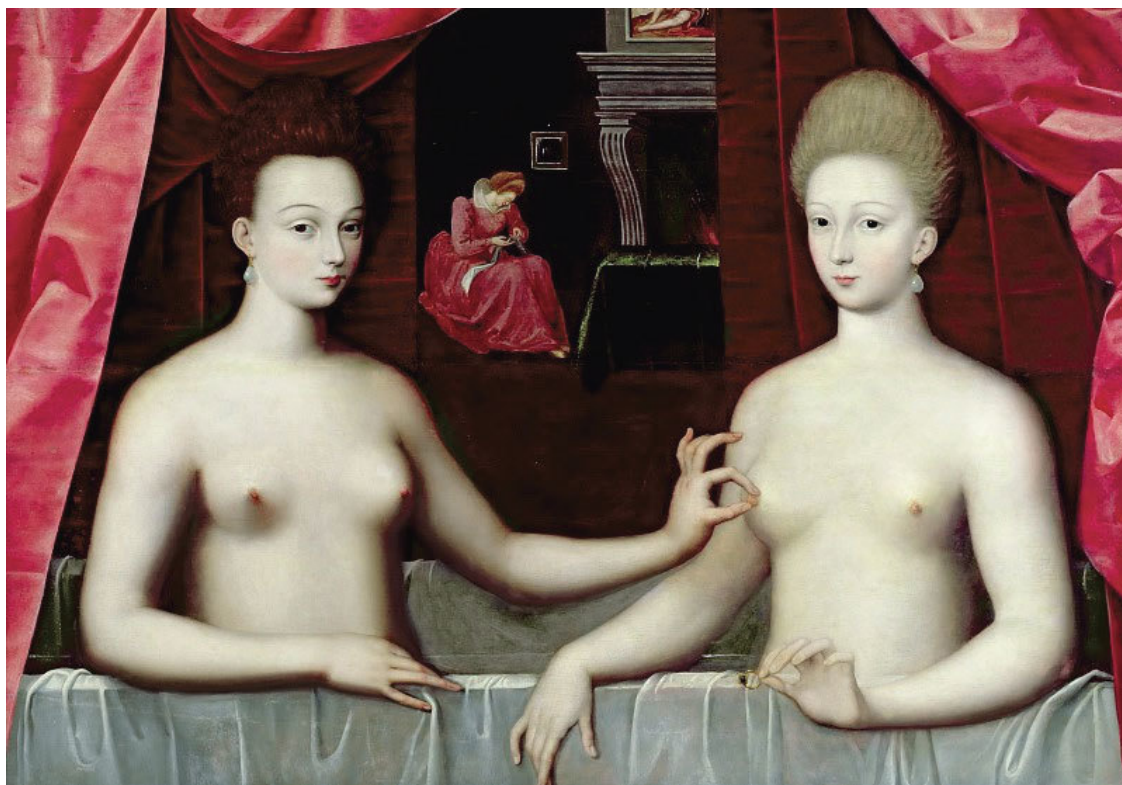
– Нет... Нет...

– Да... Да...

Град поцелуев и лёгких укусов посыпался на её спину, бедра, ноги, на этот вздрагивающий затылок, на закинутые бессильно и беспомощно руки.

– Что ты со мной делаешь... Боже мой, Боже мой... – стонала Алина...

(Анна Мар «Женищина на кресте»)

Неизвестный мастер школы Фонтенбло «Габриэль д'Эстре с сестрой»

Ребёнком в моих наивных влюблённостях я тоже, как и вы, стремился к объекту одного со мною пола...

Когда меня отдали в одно из привилегированных учебных заведений и я увидел разврат между мальчиками моего возраста, я пришёл в ужас и отшатнулся от них.

У меня были умные, хорошие родители. Они своим воспитанием дали мне хорошие задатки – и я отшатнулся от разврата моих сверстников.

Но ужаснулся я гораздо позже: тогда, когда я вырос и возмужал. Ужаснулся, когда я увидел, что женская красота ничего не говорит моим чувствам. Ими всецело владело прекрасное тело юноши.

К. Сомов «Обнажённый юноша»

Я стал насильно стараться ухаживать за женщинами, заводить интриги, жил с ними и покупал их на один день.

Я боялся самого себя, я стыдился себя. Это было самое ужасное время моей жизни.

Я принимал этих женщин, как отвратительное лекарство, которым я надеялся вылечиться от моей болезни, от моего позора. Я испытывал то, что должен испытывать нормальный человек, если бы его заставили силой предаваться какой-нибудь извращённости.

Но это не помогало...

(Евдокия Нагродская «Гнев Диониса»)

— А страшно ... когда любовь тебя коснётся; радостно, а страшно; будто летаешь и всё падаешь или умираешь, как во сне бывает; и всё тогда везде одно и видится, что в лице любимом пронзило тебя: глаза ли, волосы ли, походка ль.

П. Бордоне «Влюблённые»

И чудно, право: ведь вот – лицо, что в нём? Нос посередине, рот, два глаза. Что же тебя так волнует и пленяет в нём? И ведь много лиц и красивых видишь и полюбишься ими, как цветком или парчой какой, а другое и некрасивое, а всю душу перевернёт, и не у всех, а у тебя одного, и одно это лицо; с чего это? И ещё, – с запинкой добавила говорившая, – что вот мужчины женщин любят, женщины – мужчин; бывает, говорят, что и женщина женщину любит. А мужчину – мужчина... Да и поверить не трудно, разве Богу невозможно вложить и эту занозу в сердце человечье? А трудно... против вложенного идти, да и грешно, может быть.

(Михаил Кузмин «Крылья»)

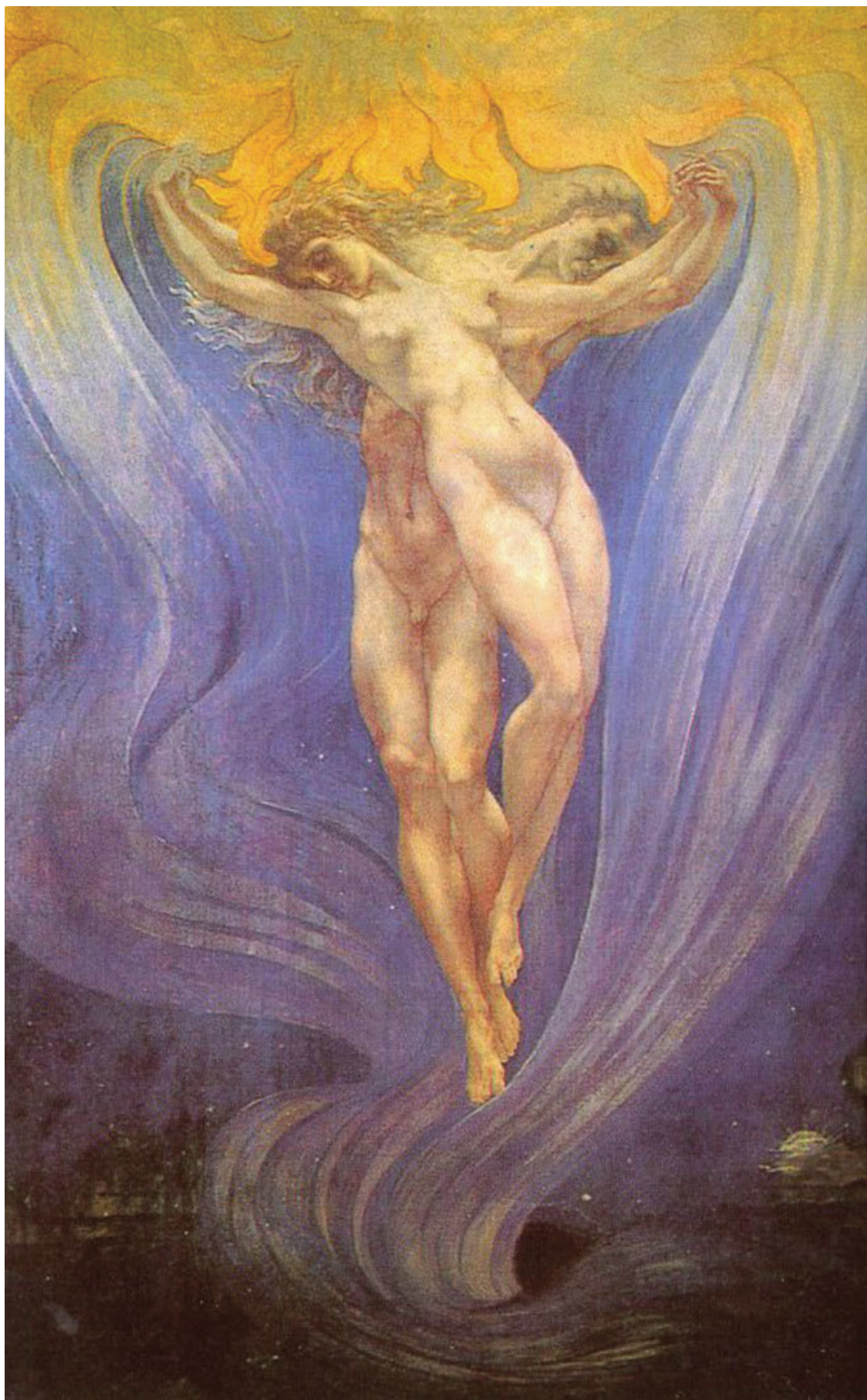

Л. Р. Фалеро «Видения Фауста»

Если признать греховным всякое сладострастие, если видеть в нём только падение, то нужно отрицать в корне половую любовь, видеть сплошную грязь в плоти любви. Тогда невозможен экстаз любви, невозможна чистая мечта о любви, так как любовь сладострастна по существу своему, без сладострастия превращается в сухую отвлечённость. Опыт отвержения всякого сладострастия как греховного был уже сделан человечеством, этот опыт дорого стоил, он загрязнил источники любви, а не очистил их.

Мы до сих пор отравлены этим ощущением греховности и нечистоты всякого сладострастия любви и грязним этим ощущением тех, кого любим. Нельзя соединить чистоту и поэзию этой жажды слияния с любимым с ощущением греха и грязи сладострастия этого слияния. Вопрос о сладострастии иначе должен быть поставлен, пора перестать видеть в сладострастии уступку слабости греховной человеческой плоти, пора увидеть правду, святость и чистоту сладострастного слияния.

Не только аскеты средневекового духа, но и аскеты гораздо менее красивого, позитивного и бескровного духа наших дней боятся сладострастия, как «чёрта», и предаются ему, как тайному пороку. От этой условной лжи, потерявшей уже всякий высший смысл, мы должны, нравственно обязаны освободиться. Нужно восстать против лицемерия, связанного с половым сладострастием. Слишком уже становится очевидным для людей нового сознания, что само сладострастие может быть разное, может быть дурное и уродливое, но может быть и хорошее и прекрасное. Может быть сладострастие, как рабство у природной стихии, как потеря личности, но может быть и сладострастие как освобождение от природных оков, как утверждение личности. В первом случае человек является игрушкой, орудием стихии рода, греховной природы, во втором – оно лицо, дитя божественной стихии Эроса.

Ж. Дельвиль «Любовь души»

Есть сладострастие личное, экстаз слияния в высшую индивидуальность, мистическое проникновение в «ты», в личность другого, своего родного, своего предназначенного. Экстатическое сладострастное переживание не всегда есть потеря своего человеческого «я», подчинение его безличной звериной природы, но есть также и приобщение к природе божественной, окончательное нахождение в ней своей личности.

Есть сладострастие Афродиты простонародной, но есть сладострастие и Афродиты небесной. Только при допущении праведного сладострастия может быть речь о смысле любви, могут оказаться чистыми чаяния любви.

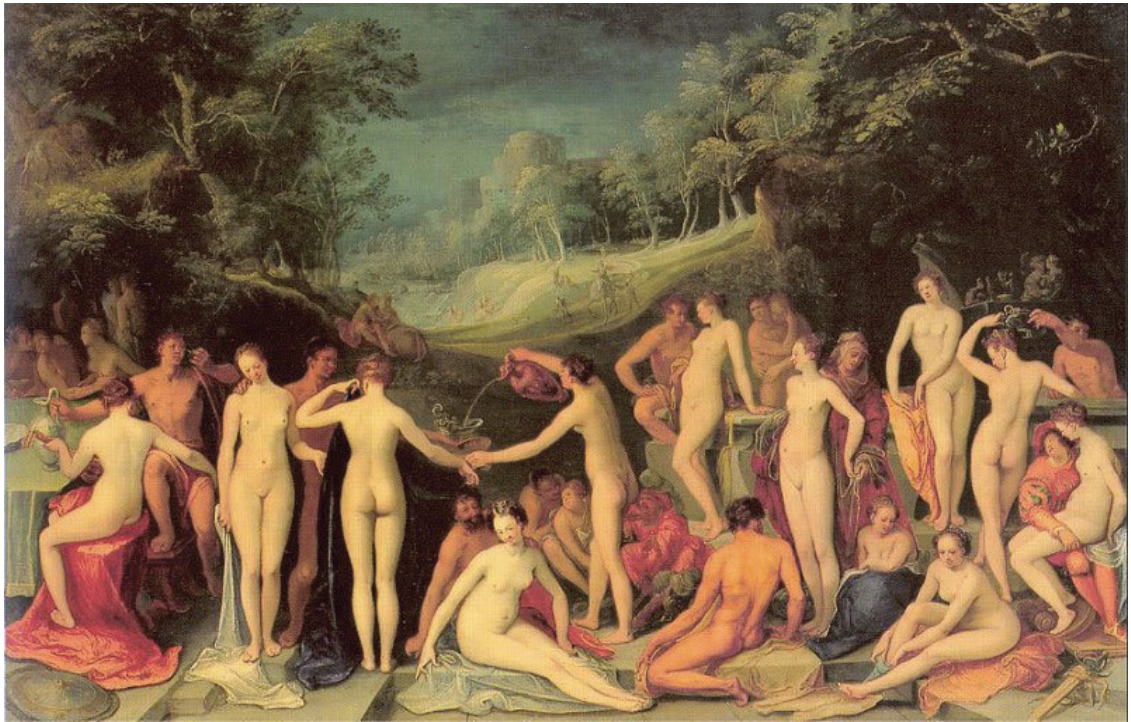
Н. А. Бердяев «Эрос и личность (Философия любви и пола)»

Я знаю, что в нашем добродетельном обществе – ведь наше общество страшно добродетельно, – в нашем высоконравственном обществе принято относиться с презрением к тому, кто в женщине видит прежде всего женщину. Мы называем таких людей развратниками и глубоко убеждены, что, во-первых, это одно и то же, а во-вторых, что сладострастник – это какое-то грубое животное, лишённое чувств красоты и добра, какая-то живая грязь, пятнающая человечество!..

А между тем все великие произведения человеческого искусства созданы именно величайшими сладострастниками... Да оно и понятно: нет жизни более красочной, захватывающей и полной, чем жизнь сладострастника!..

– Ну!.. – пробормотал Луганович. – Конечно!.. Ведь это только тупые, бездарные мещане, всю жизнь свою до тошноты развратничающие с одной своей законной половиной, представляют себе душу сладострастника как тёмный и грязный лупанарий. А на самом деле это – таинственный сад, где растут ядовитые, но прекрасные цветы!..

Сладострастник – это мечтатель, жаждущий вечной молодости, вечной красоты и наслаждения... Его не удовлетворяет одна женщина, потому что он стремится впить в себя всю мировую женственность. Он брезгливо уходит от женщины будней, с её привычным апатичным актом самки, с пелёнками, кухней, дрязгами и сплетнями, к женщине, которая ещё только жрица на празднике жизни!.. Каждый раз, встречая женщину молодую и прекрасную, он с новой силой переживает безумие влюблённости. Он живёт в вечном подъёме, его жизнь полна исканиями, он не знает скуки, томления духа и пустоты...

К. ван Мандер «Сад любви»

Женщина заполняет для него весь мир. Он бесконечно изощряется в восприятии женщины: для него брюнетка, блондинка, страстная, холодная, худая и полная, хищная и безвольная, умная и наивная, грубая самка и нежный ребёнок, весна и осень женщины, всё это – бесконечные оттенки, аккорды прекраснейшей симфонии, сказка вечной влюблённости!.. Вспомните, что один из величайших пророков населил рай гуриями, а другой, ещё более великий, не осудил женщину, взятую в прелюбодеянии!..

(Михаил Арцыбашев «Женщина, стоящая посреди»)

Г. Семирадский «По примеру богов»

Г. Климт «Любовь»

Вы, конечно, правы: я – неблагоприятен, я – болен, у меня – душа, я – микроб. Но разве цветение – не болезнь? Разве не больно, когда лопается почка? И не думаете ли вы, что сперматозоид – страшнейший из микробов?

Я – наверну, у себя в комнате. В широко раскрытой чашечке кресла I. Я на полу, обнял её ноги, моя голова у неё на коленях, мы молчим.

Тишина, пульс... и так: я – кристалл, и я растворяюсь в ней, в I. Я совершенно ясно чувствую, как тают, тают ограничивающие меня в пространстве шлифованные грани – я

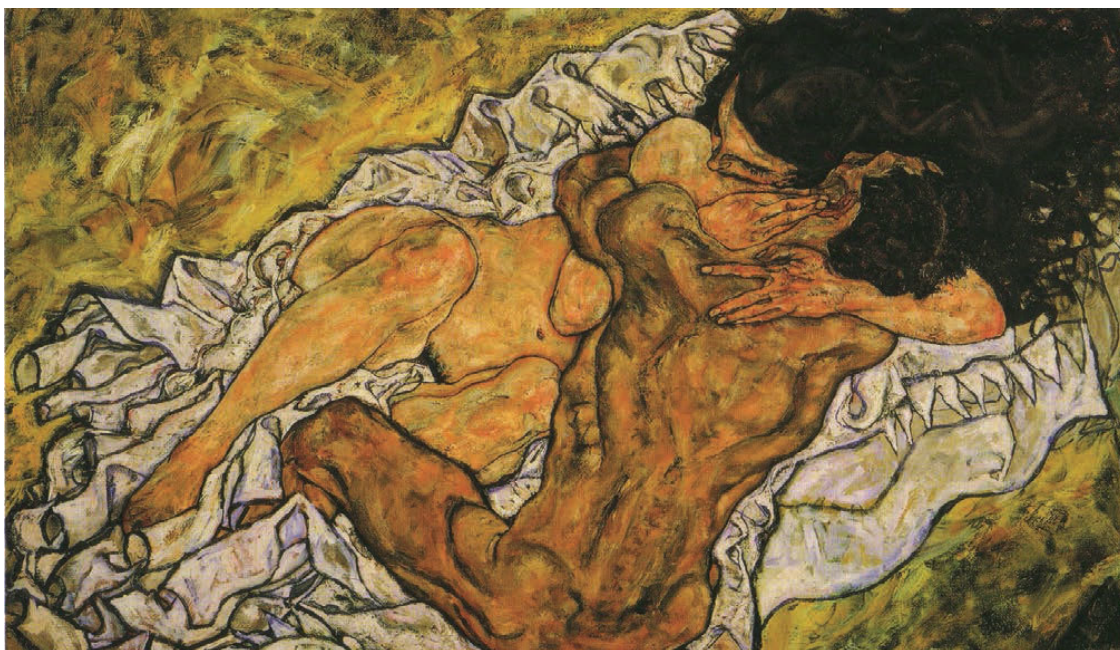
исчезаю, растворяюсь в её коленях, в ней, я становлюсь всё меньше – и одновременно всё шире, всё больше, всё необъятней. Потому что она – это не она, а Вселенная. А вот на секунду я и это пронизанное радостью кресло возле кровати – мы одно...

В нелепых, спутанных, затопленных словах я пытаюсь рассказать ей, что я – кристалл, и потому во мне – дверь, и потому я чувствую, как счастливо кресло. Но выходит такая бессмыслица, что я останавливаюсь, мне просто стыдно: я и вдруг... <...>

Я молчу. Я восторженно (и, вероятно, глупо) улыбаюсь, смотрю в её зрачки, перебегаю с одного на другой и в каждом из них вижу себя: я – крошечный, миллиметровый – заключён в этих крошечных, радужных темницах. И затем опять – пчёлы – губы, сладкая боль цветения...

(Евгений Замятин «Мы»)

Лампочка под потолком, пёстрые обои, белое эмалевое биде. Может быть, это в первый раз. Может быть, это блаженнейшая в мире любовь. Может быть, Наполеон воевал и «Титаник» тонул только для того, чтобы сегодня вечером эти двое рядом легли на кровать. Поверх одеяла, поверх каменно-застланной постели торопливое, неловкое, бессмертное объятие. Колени в сползающих чулках широко разворочены; волосы растрёпаны на подушке, лицо прелестно-искаженно. О, подольше, подольше. Скорей, скорей.

Э. Шиле «Влюблённые»

Погоди. Знаешь ли ты, что это? Это наша неповторимая жизнь. Когда-нибудь, через сто лет, о нас напишут поэму, но там будут только звонкие рифмы и ложь. Правда здесь. Правда этот день, этот час, это ускользящее мгновение. Никто не раздвигал твоих коленей, и вот я на ярком свете, на белой выутюженной простыне, бесцеремонно раздвигаю их. Тебе стыдно и больно. Каждая капля твоей боли и стыда входит полным весом в моё беспамятное торжество.

Кто они, эти двое? О, не всё ли равно? Их сейчас нет. Есть только сияние, трепещущее во вне, пока это длится. Только напряжение, вращение, сгорание, блаженное пере рождение сокровенного смысла жизни. Ледяная вершина мировой прелести, освещённая беглым огнём. Семенные канатики, яичники, прорванная плева, черёмуха, развороченные колени, без памяти, звёзды, слюна, простыня, жилки дрожат, вдребезги, вдребезги, ы... ы...

ы... Единственная нота, доступная человеку, её жуткий звон. О, подольше, подольше, скорей, скорей. Последние судороги. Горячее семя, стекающее к сокращающейся вибрирующей матке. Желанье описало полный путь по спирали, закинутой глубоко в вечность, и повернулось назад, в пустоту.

(Георгий Иванов «Распад атома»)

Бесспорно все – совокупаются. Значит, «мир будущего века», по преимуществу, определяется как «совокупление»: и тогда проливается свет на его неодолимость, на его – ненасытимость и, «увы» или «не увь», – на его «священство», что оно – «таинство» (таинство – брака). Открытий – чем дальше, тем больше.

Но явно, что у насекомых, коров, везде, – в животном и растительном мире, а вовсе не у человека одного, – оно есть «таинство, небесное и святое». И, именно, в центральной его точке – в совокуплении. Тогда понятна «застенчивость половых органов»: это – «жизнь будущего века», входим через это «в загробную жизнь», «в жизнь будущего века».

И странно: тогда понятно наслаждение.

(Василий Розанов «Апокалипсис нашего времени»)

Потребность и понимание наслаждений и есть одна из немногих черт, которыми естественный человек отличается от животного. Животные, чем больше они – животные, не понимают наслаждений и не способны их добиваться. Они только отправляют потребности. Мы все согласны с тем, что человек не создан для страданий и не страдания же идеал человеческих стремлений...

– Разумеется, – согласился Зарудин.

– Значит, в наслаждениях и есть цель жизни. Рай – синоним наслаждения абсолютного, и все так или иначе мечтают о рае на земле. И рай первоначально, говорят, и был на земле. Эта сказка о рае вовсе не вздор, а символ и мечта.

Я. ван Лоо «Любовники»

– Да, – заговорил, помолчав, Санин, – человеку от природы не свойственно воздержание, и самые искренние люди, – это люди, не скрывающие своих вожделений... то есть те, которых в общезнании называют мерзавцами... Вот, например, вы...

(Михаил Арцыбашев «Санин»)

У. Блейк «Смерч влюблённых»

Вот я, Вадим Масленников, будущий юрист, будущий, как утверждает окружающий меня мир, полезный и уважаемый член общества. А между тем, – где бы я ни был, в трамвае ли, в кафе, в театре, в ресторане, на улице – словом, всюду, всюду, – достаточно посмотреть мне на фигуру женщины, достаточно, даже не видя её лица, прельститься выпуклостью или худобой её бёдер, – и, свершись всё по моему желанию, я бы, не сказав этой женщине и двух слов, уже потащил бы её на постель, на скамейку, а то и в подворотню. И я бы, несомненно, так бы и поступил, если бы женщины позволяли мне этакое проделывать.

Но ведь это раздвоение во мне духовного и чувственного начала, в силу которого во мне не встречается нравственных препятствий к осуществлению таких позывов, – ведь это то самое раздвоение и было же главной причиной того, почему мои товарищи признавали меня и молодчиной и ухарем.

Ведь если бы во мне было полное слияние духовного и чувственного, то я бы ведь смертно влюблялся решительно в каждую женщину, которая чувственно прельщала бы меня, и тогда мои товарищи, беспрестанно смеясь надо мною, дразнили бы меня бабой, девчонкой или ещё каким-нибудь другим словом, но обязательно таким, в котором было бы ярко выражено их мальчишеское презрение к проявляемому мною женственному началу. Значит, во мне, в мужчине, это моё раздвоение духовности и чувственности воспринималось окружающими как признак мужественности, молодечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.